

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
К ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИКИ «КОСВЕННОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ»
В БАЛКАНСКОМ РЕГИОНЕ)**

О. И. Агансон

Агансон, О. И. Еволюція підходів Великої Британії щодо Східного питання наприкінці XIX – на початку XX ст. (на прикладі політики «дотичної залученості» в Балканському регіоні)

Мета статті полягає у тому, щоб зрозуміти зовнішньополітичні мотиви, котрі обумовили небажання Великої Британії активно втягуватися у балканські події на межі XIX–XX ст. Досліджується еволюція стратегії Лондона у Східному питанні в контексті перегрупування сил, що відбувалася на міжнародній арені. Автор виділяє різні моделі політики «дотичної залученості», притаманній Англії в Балканському регіоні, й аналізує зміст та характерні особливості кожної із них.

Ключові слова: Велика Британія, Східне питання, Балкани, Османська імперія, македонське питання.

Агансон, О. И. Эволюция подходов Великобритании к Восточному вопросу в конце XIX – начале XX в. (на примере политики «косвенной вовлеченности» в Балканском регионе)

Цель статьи состоит в том, чтобы понять внешнеполитические мотивы, обусловившие нежелание Великобритании активно вовлекаться в балканские события на рубеже XIX–XX вв. Исследуется эволюция стратегии Лондона в Восточном вопросе в контексте происходившей на международной арене перегруппировки сил. Автор выделяет различные модели политики «косвенной вовлеченности», практиковавшейся Англией в Балканском регионе, и анализирует содержание и характерные особенности каждой из них.

Ключевые слова: Великая Британия, Восточный вопрос, Балканы, Османская империя, македонский вопрос.

Aganson, O. The Evolution of Great Britain's approaches to the Eastern Question in the late 19th – early 20th century (the case of indirect involvement policy in the Balkans)

This paper aims at revealing the factors, which caused Britain's unwillingness to be involved in the Balkan political developments in the late 19th – early 20th century. The author investigates the evolution of London's strategy towards the Eastern question in the context of realignment of forces, which took place in the world politics of that time. Several models of Britain's policy of indirect involvement in the Balkans are outlined.

Keywords: Great Britain, the Eastern question, the Balkans, the Ottoman Empire, the Macedonian question.

В конце XIX – начале XX в. соперничество великих держав на почве Восточного вопроса задавало вектор развития международных отношений. Великобритания как ведущая мировая держава, обладавшая обширнейшей колониальной империей, не могла дистанцироваться от урегулирования этой сложнейшей международно-политической дилеммы, в центре которой стояла судьба Османской империи, ее европейских и азиатских территорий. Поскольку постоянным источником беспокойства для Лондона был вопрос обеспечения безопасности морских и сухопутных коммуникаций между метрополией и колониями, то подходы Англии к Восточному вопросу определялись прежде всего соображениями геостратегического порядка.

Примечательно, что современники событий, как, скажем, британский историк и видный эксперт в ближневосточных делах Уильям Миллер, трактовали суть Восточного вопроса как проблему заполнения вакуума силы, возникшего вследствие исчезновения Турции из Юго-Восточной Европы¹. Подобная сосредоточенность на балканской компоненте Восточного вопроса обуславливалась тем, что в конце XIX – начале XX в. Балканы, ввиду роста национально-освободительных движений, процессов национального строительства и формирования независимых государств, стали тем полем, на котором в наибольшей степени проявился конфликтогенный потенциал Восточного вопроса.

Что касается Великобритании, то она традиционно декларировала свою незаинтересованность в делах Юго-Восточной Европы. Вместе с тем, британское правительство не

могло игнорировать геополитического фактора Балкан, являвшихся своего рода мостом между Европой и Ближним Востоком, а также тот факт, что у других великих держав имелись жизненно важные интересы в данном регионе. В связи с этим Лондон просто не мог самоустраниться от урегулирования балканских проблем.

Между тем, специфика внешнеполитической «доктрины» Великобритании заключалась в том, что, будучи глобальной державой, она всячески избегала брать на себя ответственность и излишние обязательства, сопутствующие статусу мирового лидера, в решении вопросов, напрямую не соприкасавшихся с проблемой безопасности британской колониальной империи. Так было в случае с Балканами на рубеже XIX–XX вв., на пространстве которых Лондон практиковал политику «косвенной вовлеченности». Наша цель заключается в том, чтобы понять содержание политики «косвенной вовлеченности» в Балканском регионе, выявить ее формы и установить границы ее реализации. Все это позволит нам проследить эволюцию подходов Великобритании к Восточному вопросу в контексте тех подвижек, которые происходили в системе международных отношений в обозначенный период.

На протяжении всего XIX века Англия выстраивала свой внешнеполитический курс на Балканах в зависимости от существовавшей расстановки сил на Ближнем Востоке, т.е. от усиления там влияния другой великой державы и ее возможного преобладания в Азии. В условиях, когда британские правящие круги воспринимали Россию в качестве главного стратегического соперника на Востоке, поддержание территориальной целостности Османской империи являлось доминантой политики Лондона в Ближневосточном регионе. Эти внешнеполитические представления были реализованы лордом Г. Пальмерстоном в период Крымской войны 1853–1856 гг. и Б. Дизраэли во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Ближневосточная стратегия Пальмерстона и Дизраэли заключалась в том, чтобы не позволить России установить контроль над ключевым коммуникационным узлом того времени – Константинополем, Проливами и прилегающими к ним территориями, в том числе балканскими. В таком контексте любое восстание в Османской империи рассматривалось Уайтхоллом как представляющее опасность для британских интересов, поскольку оно могло спровоцировать вмешательство великих держав, а, значит, возростала вероятность иностранной оккупации части турецкой территории.

Лондон выступал против образования независимых государств на национальных окраинах Османской империи, даже если для этого существовали объективные предпосылки. Данный тезис без каких-либо оговорок распространялся и на Балканы, где традиционно было сильно влияние России, покровительствовавшей единокорным и единоверным ей народам. Английское правительство рассматривало национально-освободительные движения балканских христиан как деструктивный фактор ближневосточной политики, инспирированный из Петербурга. Руководствуясь подобными соображениями, Лондон приложил максимум усилий, чтобы амортизировать тяжелые для Турции последствия от поражения, которое она потерпела в войне 1877–1878 гг. с Россией. Так, под жестким британским прессингом был аннулирован Сан-Стефанский предварительный договор и вместо него – подписан Берлинский трактат. В соответствии с последним, в состав Османской империи возвращались обширные территории на Балканах – Македония и Фракия, а Болгария была разделена по Балканскому хребту (на самоуправляющееся Болгарское княжество и Восточную Румелию, остававшуюся под прямой юрисдикцией Порты)².

Несмотря на дипломатическую победу, одержанную Англией на Берлинском конгрессе 1878 г., и сохранение турецкого присутствия на Балканах, все же нельзя говорить о том, что Лондон безоговорочно солидаризировался с Портой. Скорее поддержка Турции рассматривалась британскими правящими кругами в качестве вынужденной меры. Как отмечал британский посол в Константинополе Ч. Стрэтфорд-Каннинг, «из двух зол (утверждение России на Босфоре или опора на Османскую империю с ее административным произволом – *О.А.*) надо выбирать меньшее»³. Британский истеблишмент прекрасно понимал, что Турция находилась в состоянии глубоко упадка. Модернизация Османской империи, в частности ее финансовой системы и аппарата управления, на взгляд Лондона, являлась обязательным условием английской поддержки. Еще Пальмерстон, главный апологет сохранения территориальной целостности Турции, говорил о том, что

Англия не собиралась воевать за «мертвое тело»⁴. Так, способность Порты содержать армию и флот, т.е. эффективно противостоять России, напрямую зависела от успешной реорганизации имперской финансовой системы⁵. Но все попытки проведения реформ в Османской империи в середине XIX в., известные в истории как Танзимат (1839 – начало 1870-х гг.), по большей части оказались безрезультатными. В свете этого балканское урегулирование 1878 г. оценивалось рядом британских политиков как временное. Прогрессирующее ослабление Османской империи предполагало, во-первых, вероятное российское вторжение на ее территорию в будущем, во-вторых, дальнейшую активизацию национально-освободительных движений в балканских вилайетах и их возможный откол от Турции⁶. Все это, на взгляд лорда Р. Солсбери, с 1878 г. занимавшего пост статс-секретаря по иностранным делам (с 1885 – премьер-министра), могло привести к катастрофическим последствиям с точки зрения британских интересов – утверждению русского влияния в азиатских провинциях Османской империи (Сирии, Малой Азии и Месопотамии)⁷. Укрепление позиций России на азиатских территориях Турции, по убеждению официального Лондона, представляло угрозу для британских коммуникаций на Востоке и сообщения с Индией⁸. В условиях, когда проблемы европейских и азиатских провинций Османской империи составляли единый комплекс противоречий, балканская политика Англии формировалась под воздействием отношения Лондона к ситуации в азиатских владениях султана.

Таким образом, не отказываясь от принципа территориальной целостности Османской империи, Британия была вынуждена диверсифицировать средства обеспечения своих интересов на Ближнем Востоке. Внешнеполитический инструментарий Лондона варьировался в зависимости от обстоятельств.

Одним из таких средств являлась оккупация тех турецких территорий, которые в стратегическом отношении представляли жизненно важное значение для Британской империи. Так, в 1878 г. Англия заставила Порту заключить с ней так называемую Кипрскую конвенцию, в соответствии с которой Лондон обещал защищать турецкие владения в Азии в обмен на право оккупировать Кипр для обеспечения оптимальных условий базирования британского флота и войск⁹. Подобными соображениями, возможно, иначе сформулированными, была вызвана британская оккупация Египта в 1882 г., которая упрочила контроль Англии над Суэцким каналом.

Другой способ, к которому обращалась Британия для реализации своих интересов на Ближнем Востоке, заключался в налаживании партнерских отношений с Австро-Венгрией, стремившейся к гегемонии на Балканах. Существовавшая в 1870–1880-х гг. многополярная структура системы международных отношений при негласном британском лидерстве позволяла Лондону создавать региональные комбинации с участием других великих держав. Перед Англией и Австро-Венгрией стояла общая задача – не допустить преобладания в регионе России. Они исходили из того, что Турция не располагала достаточными ресурсами для энергичного отпора своей могущественной северной соседке и, в конце концов, могла или уступить ей, или с ней договориться¹⁰. С целью исключить подобный вариант развития событий Англией и Австро-Венгрией в 1887 г. были заключены соглашения о поддержании статус-кво на Востоке и сохранении территориальной целостности Османской империи (Средиземноморская Антанта)¹¹. Державы заявили о своем намерении оказать Турции содействие в случае ее сопротивления иностранному вторжению¹². В случае если же Порта поддастся внешнему давлению, то они оговаривали за собой право временно оккупировать части османской территории¹³. Причем Вена была склонна трактовать этот пункт как санкцию на занятие ряда балканских провинций (при одновременной отправке эскадры в Дарданеллы)¹⁴. Британское правительство в лице Солсбери, в свою очередь, высказывалось за распространение Средиземноморских соглашений на малоазиатские провинции султана. Ведь угроза Проливам, как отмечал британский премьер-министр, могла исходить не только с запада, но и с востока¹⁵. Фактически Британия и Дунайская монархия очертили «сферы ответственности» в отношении территорий Османской империи.

Поддержка Порты и взаимодействие с Австро-Венгрией являлись традиционными инструментами в арсенале британской дипломатии, когда речь шла о сдерживании России на Ближнем Востоке. Между тем, в рассматриваемый период происходило усложнение международных отношений. Проявлением данной тенденции стало превращение

Балканского региона в отдельный сегмент международной системы. Это означало, что местные игроки, как продемонстрировал Болгарский кризис 1885–1886 гг., стремились к проведению самостоятельного внешнеполитического курса. Так, внутреннее, не спровоцированное внешним вмешательством, движение за объединение Болгарии и Восточной Румелии, ссора болгарского князя Александра Баттенберга с Петербургом, убедительная победа над сербами в войне 1885 г. свидетельствовали о том, что правящие круги княжества были способны принимать самостоятельные внешнеполитические решения. Расширявшаяся Болгария, стремившаяся избавиться от опеки России, вызывала благосклонное отношение Англии¹⁶. В свою очередь, британское руководство, под воздействием событий в Болгарии, переоценило удельный вес и функции балканских государств в региональной политике. Во время Болгарского кризиса официальный Лондон в лице лорда Солсбери фактически взял на вооружение тезис британской либеральной общественности о создании «пояса из христианских государств между Россией и Константинополем»¹⁷. В британском восприятии Болгария превратилась из сателлита России на Балканах в преграду на пути ее продвижения в Восточное Средиземноморье.

Однако в 1890-е гг. международная обстановка изменилась в неблагоприятную для Англии сторону. На мировой арене происходило нарастание англо-германского антагонизма. Озвученная Берлином *Weltpolitik* была вызовом для *Pax Britannica*. В частности, Германия активизировала свою политику на Ближнем Востоке, в результате чего ее влияние сделалось преобладающим в Турции. В изменившихся международных реалиях поддержание целостности Османской империи и сотрудничество с Австро-Венгрией, ближайшей союзницей Германской империи в Европе, потеряли для Англии свою актуальность. В ситуации, когда прогерманская ориентация Турции представляла потенциальную угрозу для британских имперских коммуникаций, Лондону требовалось переоценить прежние внешнеполитические императивы на Балканах и Ближнем Востоке.

Принципиальным моментом является то, что это концептуальное переосмысление происходило в условиях модификации одной из базовых установок британской ближневосточной политики, заключавшейся в противодействии захвату Россией Константинополя. В феврале 1903 г. британский Комитет обороны империи (КОИ) пришел к заключению о том, что «поддержание статус-кво в отношении Константинополя не является первостепенным морским или военным интересом этой страны». Признавалось, что оккупация Россией города на Босфоре предоставит ей определенные преимущества и будет сопряжена с некоторыми трудностями для Англии, которые, однако, «не носят судьбоносного характера, как иногда утверждалось»¹⁸. Указывались проблемы, с которыми столкнулась бы Россия в случае реализации подобного замысла: большие потери флота при захвате Босфора и необходимость превращения Константинополя в военно-морскую базу (если она хотела стать средиземноморской державой)¹⁹.

Британия, как отмечалось на заседании КОИ, не собиралась действовать в одностороннем порядке в вопросе защиты Константинополя, поскольку эта проблема, на взгляд английских военных, представляла первостепенный интерес в первую очередь для Турции, а затем для Европы²⁰. Фактически Лондон слагал с себя свои традиционные обязательства. Экстраполирование этого решения на ситуацию в Балканском регионе допускало дестабилизацию обстановки на полуострове и отказ от поддержания там статус-кво. В результате в балканской политике Лондона произошло смещение приоритетов с общесистемного уровня до регионального, что способствовало повышению внимания Форин оффис к внутрибалканским процессам, главным образом к проблеме Македонии.

Активизация в начале XX в. национально-освободительного движения в Македонии и Фракии обозначила новую веху в развитии Восточного вопроса и связанную с этим проблему территориальной целостности европейских провинций Османской империи. Илинденско-Преображенское восстание 1903 г., подготовленное проболгарскими революционными организациями ВМОРО (Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация) и ВМК (Верховный македонский комитет), актуализировало вопрос о праве великих держав вмешиваться во внутренние дела Турции и границах этого вмешательства. Данное обстоятельство приобретало для Лондона особую значимость в контексте поиска путей воздействия на обстановку в регионе.

Расстановка сил, сложившаяся на международной арене, способствовала изоляции позиций Великобритании в Юго-Восточной Европе. Против Англии, прежде всего, рабо-

тал фактор австро-русской Антанты: Вена и Петербург, позиционировавшие себя в качестве наиболее заинтересованных сторон в делах Балканского полуострова, в 1897 г. пришли к соглашению по вопросу поддержания статус-кво в регионе²¹. Результатом австро-русского сотрудничества стали два проекта «умиротворения» Македонии: Венская (февраль 1903 г.)²² и Мюрцштегская (октябрь 1903 г.)²³ программы реформ. Второй пакет преобразований явился австро-русской реакцией на Илинденско-Преображенское восстание. Хотя в Мюрцштегской программе предусматривалось введение института гражданских агентов, а также частичный европейский контроль за финансовой и судебной системой европейских вилайетов, она носила довольно общий и расплывчатый характер и не ограничивала суверенитет султана над македонскими территориями.

Ситуация для Британии усугублялась тем, что в среднесрочной перспективе Мюрцштегская программа, нацеленная на снижение напряженности в балканских провинциях султана, соответствовала внешнеполитическим установкам Германии, чьи позиции на Ближнем Востоке продолжали укрепляться. Так, в 1903 г. была окончательно подтверждена концессия Берлина на строительство Багдадской железной дороги; были заключены дополнительные контракты на поставку германского оружия в Турцию²⁴. В свете этого даже такой яростный сторонник сохранения неограниченной власти султана над балканскими вилайетами, как германский посол в Константинополе Маршалль фон Биберштейн, настоятельно советовал султану поддержать проект Вены и Петербурга. Порта, по его уверениям, могла навести порядок в Македонии, только опираясь на Россию и Австро-Венгрию, и единственный способ это сделать – осуществить намеченные реформы²⁵.

В создавшихся условиях тактика Лондона заключалась в том, чтобы, по возможности, растворить австро-русский «дуэт» в «европейском концерте», т.е. способствовать дальнейшей интернационализации македонского вопроса. Британия, которая, в отличие от России и Австро-Венгрии, не располагала реальными рычагами давления на местные общества, решила в очередной раз обратиться к своей «косвенной вовлеченности» на Балканах во внешнеполитическое преимущество. Британский статс-секретарь по иностранным делам лорд Г. Лэнсдаун, заявляя об отсутствии у Англии прямых интересов в европейских провинциях Турции, мотивировал ее политику исключительно гуманитарными соображениями²⁶. Такая постановка вопроса позволяла Лондону претендовать на роль беспристрастного арбитра в балканских делах. С одной стороны, Британия довольно остро критиковала Мюрцштегскую программу реформ и всячески подчеркивала свою непричастность к ее разработке²⁷. Уайтхолл, в противовес австро-русскому плану, настаивал на проведении в Македонии более радикальных преобразований²⁸. С другой стороны, стремясь использовать македонский вопрос как своеобразную платформу для внешнеполитического маневрирования, Британия сочла целесообразным принять участие в ее реализации в рамках «европейского концерта»²⁹.

Избрав подобную линию поведения, Англия, как представляется, намеревалась не только «зарезервировать» за собой особое положение в неформальном «клубе» великих держав, но в определенной степени сигнализировала малым балканским странам и народам, что она в качестве европейского лидера осознавала свою ответственность за улучшение условий жизни местного населения и была готова выполнять обязательства, возложенные на нее статьей 23 Берлинского трактата. В таком контексте весьма показательным является некоторое совпадение контрпредложений Лэнсдауна по Мюрцштегской программе и требований македонских инсургентов, причем в таких принципиальных вопросах, как назначение в Македонию христианского генерал-губернатора и введение там европейского контроля³⁰.

Вместе с тем следуя своей обычной тактике ограниченного вмешательства в дела Балканского полуострова, британское правительство избегало в открытую солидаризироваться с антитурецким движением, дабы не захлопывать «окно возможностей» во взаимоотношениях с Портой, в частности рассчитывая на получение от нее выгодных концессий. В свете этого Форин оффис следовало найти альтернативные каналы проведения британского влияния в регионе. Эта задача в общем-то им была решена блестяще через налаживание диалога с неофициальными кругами, представленными левым крылом Либеральной партии, так называемыми радикалами. В своих внешнеполитических воззрениях, в том числе в подходах к Восточному вопросу, радикалы опирались на идеи, сформулированные

в 1870-х гг. лидером либералов У. Гладстоном. Он, в отличие от тогдашнего премьер-министра Б. Дизраэли, призывал Британию ориентироваться на динамичные, жизнеспособные балканские народы, а не на дряхлеющую Османскую империю³¹. Радикалы возлагали ответственность на Англию за то бедственное положение, в котором находились балканские провинции. Ведь именно под давлением Лондона они были в 1878 г. возвращены в состав Турции. А потому, на взгляд радикальной общественности, британское правительство было просто обязано принимать самое активное участие в проведении реформ на этих периферийных территориях Османской империи³². Таким образом, радикалам на теоретическом уровне удалось обосновать право Великобритании вмешиваться во внутренние дела Турции во имя исполнения общечеловеческого долга.

Более того, представители неофициальных кругов участвовали в формировании практического механизма проведения британского влияния в регионе. В 1903 г., на волне восстания в Македонии, был создан Балканский комитет, в который вошли известные политики и журналисты либерального толка, ученые, религиозные деятели. Они инициировали проведение многочисленных благотворительных акций и мероприятий просветительского характера, организовывали различные фонды для оказания помощи жителям македонских вилайетов, пострадавшим во время подавления восстания³³. Журналисты ведущих британских изданий подробно и добросовестно освещали ситуацию в Македонии, интервьюировали вождей повстанцев³⁴. Таким образом, нарабатывались контакты между британскими интеллектуалами и представителями прессы, с одной стороны, и местной элитой и лидерами национально-освободительного движения – с другой. Все это в восприятии балканских обществ превращало Англию во влиятельного внешнего игрока в регионе.

На примере македонского вопроса отчетливо прослеживалось стремление Лондона использовать волнения на Балканах как инструмент давления на Порту, чем отчасти объяснялась «острота» британской критики турецкой администрации. Однако во многом эти действия возымели обратный эффект: в глазах Порты британская общественность при молчаливом согласии Уайтхолла поддерживала македонских сепаратистов, преимущественно болгарского происхождения. Так, турецкий посол в Лондоне, по поручению своего правительства, призывал Форин оффис ограничить деятельность британских благотворительных организаций в Македонии на том основании, что они оказывали всяческое содействие мятежникам, укrywавшимся в Болгарии³⁵. Естественно, все это вносило дополнительную напряженность в англо-турецкие отношения. Так, например, видные османские интеллектуалы рассматривали интенсификацию британской вовлеченности на Балканах как проявление «туркофобии». По словам турецкого вице-консула в Великобритании Халил Халида, в английской прессе как радикальной, так и джингоистской направленности из номера в номер повторялись предложения «вырвать» из рук турок дела их собственной страны и «назначить губернаторов-христиан, которых Проведение, несомненно, наделит особенным административным гением»³⁶.

В рассматриваемый период британо-османские отношения упали до предельно низкой отметки. В начале 1906 г., во время так называемого Акабского кризиса, Англия и Турция оказались на грани военного столкновения. Кризис был спровоцирован англо-турецкими противоречиями из-за египетской границы на Синае³⁷. Британским комитетом обороны империи даже прогнозировалось совместное выступление Германии и Османской империи против Англии на Востоке и их наступление на Египет³⁸. При таком сценарии развития событий Англия не просто утратила бы стратегическую инициативу, но под ударом оказались бы ее имперские коммуникации. Возможный германо-турецкий альянс привел бы к силовому дисбалансу на Ближнем Востоке, выразившемуся в асимметричном усилении позиций Германии в регионе.

Противовесом такой политической комбинации явилось бы сотрудничество с Россией, для которой турецко-германский союз и германское доминирование в регионе затрудняли реализацию ее внешнеполитических интересов на Ближнем Востоке, прежде всего установление контроля над Проливами. Поскольку между Лондоном и Петербургом существовали глубокие противоречия в Азии, и процесс их урегулирования был долгим и сложным, несмотря на заключение Антанты в 1907 г., то тенденция англо-русского сближения в наибольшей степени проявилась на Балканах. Так, влиятельный британский

журналист Дж. Гарвин писал о расширении географии англо-русского «согласия», его распространении на Европу, наглядным подтверждением чего стало свидание Николая II и Эдуарда VII в Ревеле в июне 1908 г.³⁹. Достижение сторонами консенсуса по вопросу македонских реформ во время Ревельского саммита оценивалось современниками как «событие исторического масштаба, поскольку впервые за сотню лет Англия и Россия, при полной поддержке Франции, смогли договориться о принципах решения Восточного вопроса»⁴⁰. В свете этого компромисс по македонской проблеме казался первым шагом на пути консолидации Тройственной Антанты.

Таким образом, Восточный вопрос, являвшийся на протяжении длительного времени причиной жесткого дипломатического и военно-политического противостояния Лондона и Петербурга, стал подходящим полем для реализации англо-русского партнерства. Вместе с тем, как показали последующие события в регионе: Боснийский кризис 1908–1909 гг., Балканские войны 1912–1913 гг., Июльский кризис 1914 г. – взаимодействие с Россией в рамках Антанты предполагало активное присутствие Великобритании на балканском пространстве, что означало конец политике «косвенной вовлеченности».

Подводя итоги нашим размышлениям, можем констатировать конъюнктурность, ситуативность британской политики в отношении Восточного вопроса, что безусловно делало ее более гибкой и предполагало довольно широкий набор опций для ее реализации. Концепция «косвенной вовлеченности» вполне вписывалась в британскую внешнеполитическую традицию. Великобритания, являясь, по сути, мировой державой, никогда не стремилась принимать на себя «бремя лидерства» и сопутствовавшие ему международные обязательства: она вмешивалась в события на европейском континенте только лишь в случае возникновения угрозы нарушения сложившегося баланса сил⁴¹. Проецирование этого принципа на Восточный вопрос означало, что Британия наращивала свое присутствие в регионе только ради обеспечения собственных стратегических позиций в Восточном Средиземноморье, как это было в случае с оккупацией Кипра в 1878 г. При других обстоятельствах, т.е. когда ее интересы не затрагивались напрямую, Англия предпочитала действовать через региональных игроков, переключая на них часть ответственности по поддержанию силового равновесия в регионе. Такой подход обусловил формирование двух моделей британской политики на Балканах в период, когда англо-русское соперничество на Ближнем Востоке определяло динамику развития международных отношений. Первая из этих моделей предполагала тактическое взаимодействие Великобритании с другой великой державой (Австро-Венгрией) с целью поддержания регионального порядка, конституировавшегося при их непосредственном участии (фактически сохранение турецкой власти на Балканах). Вторая модель заключалась в опоре на малые балканские государства – Болгарию, стремившуюся к осуществлению своих национальных устремлений, что позволило бы оградить регион от внешнего проникновения.

Начавшееся в 90-е гг. XIX в. реформирование международной системы, в результате которого стратегическое преимущество на Ближнем Востоке постепенно переходило к великой державе (Германии), претендовавшей на статус мировой, побудило Англию выработать новую версию политики «косвенной вовлеченности», модель которой была апробирована на македонском вопросе. Эта модель сочетала в себе участие Великобритании в «европейском концерте» в процессе балканского урегулирования и сотрудничество Форин оффис с неофициальными кругами: выдвигая радикальные программы реформ и поддерживая деятельность неправительственных организаций в регионе, Лондон завуалировано выказывал свои симпатии к национально-освободительным движениям на территории европейской Турции, что способствовало дальнейшей дестабилизации многонациональной Османской империи.

Однако в Англии прекрасно понимали, что политика «косвенной вовлеченности» имела свои пределы, установленные логикой развития системы международных отношений начала XX в.: ее поляризацией и формированием двух центров силы – Тройственного союза и Антанты. Необходимость разыгрывать балканскую карту для укрепления и углубления партнерства с Россией, некогда заклятым противником, а также поддерживать выгодный для Антанты баланс сил на Балканах предопределила расширение вмешательства Великобритании в ситуацию в регионе.

- ¹ Miller, W. The Ottoman Empire, 1801-1913. Cambridge: at the University Press, 1913, p. 1.
- ² Сборник договоров России с другими государствами. М.: Госполитиздат, 1952, с. 188.
- ³ Canning, S. The Eastern Question. London: J. Murray, 1881, p. 7.
- ⁴ Farley, J. Turks and Christians: A Solution of the Eastern Question. London: Simpkin, Marshall, 1876, p. 171.
- ⁵ Temperley, H. British Policy towards Parliamentary Rule and Constitutionalism in Turkey (1830-1914) // Cambridge Historical Journal. – 1933. – Vol. 4. – № 2. – P. 165.
- ⁶ Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902); or, Documents, Old and New. Cambridge: University press, 1938. – № 145. – P. 384.
- ⁷ The Map of Europe by Treaty: Showing the Various Political and Territorial Changes Which Have Taken Place since the General Peace of 1814. – London: Butterworths, 1891. – Vol. 4. – № 522. – P. 2718.
- ⁸ Foundations of British Foreign Policy. – № 145. – P. 385. В частности, такой точки зрения придерживался Солсбери, на внешнеполитический кругозор которого большое влияние оказал его опыт пребывания на посту министра по делам Индии.
- ⁹ The Map of Europe by Treaty... – № 524. – P. 2722-2723.
- ¹⁰ The National Archives, Kew (далее – NA). FO 93/1/1, № 368 (Paget to Salisbury [secret]. 22.10.1887); British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. – Pt. 1. – Ser. B. – Vol. 19. – University Publications of America, 1983. – Doc. 4 (Iddesleigh to White [very confidential]. 11.10.1886.) – P. 53.
- ¹¹ Средиземноморская Антанта 1887 г. была заключена между Англией, Австро-Венгрией и Италией. В данной статье не затрагивается вопрос подписания англо-итальянских соглашений, поскольку они распространялись преимущественно на западную часть Средиземноморья.
- ¹² Foundations of British Foreign Policy. – Doc. 182. – P. 461. Речь не шла о каких-либо конкретных мерах помощи Турции.
- ¹³ Ibid, p. 462.
- ¹⁴ NA. FO 93/1/1. № 5. Remarques concernant les Bases d'un Accord à Trois (Communicated to the Marquis of Salisbury by Baron de Biegeleben).
- ¹⁵ NA. FO 93/1/1. Précis of Proposed Reply to Eight Bases; Salisbury to J. Savile. 25.10.1887.
- ¹⁶ Sutherland, H. Sir William White, K.C.B., K.C.M.G., for Six Years Ambassador at Constantinople; His Life and Correspondence. London: J. Murray, 1902, p. 228-229.
- ¹⁷ Russell, G. Malcolm MacColl, Memoirs and Correspondence. London: Smith, Elder & Co., 1914, p. 46.
- ¹⁸ NA. CAB 38/2/6. Report of the Conclusion arrived on the 11th February in reference to Russia and Constantinople. 14.02.1903.
- ¹⁹ NA. CAB 38/2/41. Remarks on Memoranda dealing with the Question of a Russian Seizure of Constantinople by L. Battenberg. 30.04.1903.
- ²⁰ NA. CAB 38/2/6. Report of the Conclusion...
- ²¹ Pribram A. (ed.). Secret Treaties of Austria-Hungary, 1879-1914. – Vol. I. – Cambridge: Harvard University Press, 1920, p. 189-191.
- ²² British Documents on the Origins of the War / Ed. by G. P. Gooch and H. Temperley. – Vol. V. – London: Stationery office, 1928. – P. 51-53 (Project for reforms in Macedonia, 17.02.1903).
- ²³ Сборник договоров России..., с. 329–332.
- ²⁴ Chéradame, A. La Macedoine; Le chemin de fer de Bagdad. Paris: Plon-Nourrit, 1903, p. 369.
- ²⁵ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. – Bd. 18 (1). – Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. – № 5617 (Marschall an das Auswärtige Amt, 16.10.1903).
- ²⁶ Ibid, col. 364. Hansard's Parliamentary Debates. – Vol. 129. – London: T. C. Hansard, 1904, Col. 365.
- ²⁷ Ibid, col. 364.
- ²⁸ Реформы в Македонии. Т. 2. Спб., 1906. – № 4 (Сообщение Великобританского посла в Вене, 19.09.1903).
- ²⁹ Мюрцштегская программа, несмотря на ее многочисленные изъяны, признавалась британскими дипломатами годной для частичной реализации. Hansard's... – Vol. 129. – Col. 366.
- ³⁰ The Times, 1903, Septembre 19; Affaires de Macédoine, 1903-1905. Paris: Imprimerie nationale, 1905. – № 37.
- ³¹ См. подробнее: Gladstone W. E. Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan, with Other Tracts. Leipzig, 1876.
- ³² Hansard's..., col. 123.
- ³³ Только за август 1903 г. Балканским комитетом было организовано более 200 публичных лекций по македонской проблематике в различных городах Британии. – См.: Manifestations franco-anglo-italiennes. Pour l'Arménie et la Macédoine. Paris: Société nouvelle de librairie & d'édition, 1904, p. 222.
- ³⁴ Так, по донесениям британского консула в Софии Ф. Эллиота, Х. Татарчев, один из руководителей ВМОРО, приветствовал работу британских корреспондентов Македонии, мотивируя это их

объективностью и беспристрастностью в изложении фактов. – См.: NA. FO 78/5295. – № 219. – Elliot to Lansdowne. 9.09.1903.

³⁵ Ottoman Diplomatic Documents on the Origins of World War One. Vol. 4 (The Macedonian Issue). Pt. 1 // Ed. by S. Kuneralp and G. Tokay. – Istanbul: Isis Press, 2011. – № 899-900. – P. 466-467.

³⁶ Цит. по: *Wasti, S. T. Halil Halid: Anti-imperialist Muslim Intellectual // Middle Eastern Studies.* – 1993. – Vol. 29. – № 3. – P. 564.

³⁷ См. подробнее: *Burman, J. British Strategic Interests versus Ottoman Sovereign Rights: New Perspectives on the Aqaba Crisis, 1906 // The Journal of Imperial and Commonwealth History.* – 2009. – Vol. 37. – № 2. – P. 275-292.

³⁸ NA. CAB 38/12/42. A Turco-German invasion of Egypt: Note by Sir John French.

³⁹ Calchas (Garvin J.). The Triple Entente // *The Fortnightly Review.* – 1908. – Vol. 84. – P. 27.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 28.

⁴¹ По этой проблеме см. подробнее: Schroeder P. W. *Austria, Great Britain, and the Crimean War: The Destruction of the European Concert.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 1972.